

Юань Хундао нахмурился, слыша ласковый голос премьер-министра:

— Я столько лет при дворе, не знаю, скольких людей я настроил против себя. У меня два сына и дочь, я всегда рассчитывал, что Гун'эр вырастет способным, и не ожидал подобной беды. Сейчас у меня остались только Дабао и Чэнь'эр... я должен обустроить для них подходящее будущее.

Юань Хундао снова нахмурил брови:

— Только вот эти перемены кажутся немного слишком резкими.

Взгляд Линь Жофу неожиданно смягчился.

— Я отец, я не должен слишком щадить себя. Если говорить о смещении законного наследника, его величество пока в самом расцвете сил, и, пока дойдёт до дела, мы с тобой уже умрём, так стоит ли слишком беспокоиться? — тут он спросил: — Подтверждено, что это дело рук Сы Гуцзяня?

Юань Хундао кивнул:

— Да.

Линь Жофу набрал полную грудь холодного воздуха:

— Иногда мне кажется, что даже вся власть в моих руках ничего не может изменить... Но раз семья Фань имеет давние связи с Контрольной палатой, я думаю, если к ним добавлюсь я, они не смогут отказать.

Юань Хундао слабо улыбнулся:

— Шилан Фань полагается на расположение его величества и всеми силами торопит со свадьбой, кажется, у него уже давно по отношению к вам есть определённые ожидания.

Линь Жофу тоже улыбнулся:

— В последние дни мне хочется своими глазами взглянуть на этого Фань Сяня, посмотреть, подходит он моей дочери или нет.

Юань Хундао поинтересовался:

— А старшая принцесса, она...

Было совершенно ясно, что непредвиденная смерть второго сына премьер-министра неразрывно связана с планами старшей принцессы, поэтому Юань Хундао упомянул её имя очень осторожно.

— Ли Юньжуй заставила У Боаня организовать первое убийство, это был план убить одним выстрелом нескольких зайцев. Убив Фань Сяня, она отвоевала бы себе власть над внутренней сокровищницей. Уговорив Гун-эра, она таким образом прочно привязала бы его к себе. Только вот она не могла и представить, что Фань Сяня будет так нелегко убить, да ещё и эта бродячая псина У Боань умрёт... вместе с моим сыном, — глаза Линь Жофу холодно блеснули. — Однако она всё ещё обладает самым важным звеном, а именно: она предугадала мысли его величества. Если бы вначале Чэн Цзюшу и его люди смогли сбежать из столицы, боюсь, она подделала бы мой приказ и велела убить Фан Сюя в Цанчжоу, таким образом подтвердив, что это дело рук Северной Ци.

Юань Хундао нахмурился:

— Оказывается, старшая принцесса предвидела, что его величеству нужен повод к войне.

Линь Жофу покачал головой:

— Когда его величество ходил войной на север, то не достигал успеха и всегда принимал это близко к сердцу. А старшая принцесса теперь подарила ему такой прекрасный предлог. Пусть его величеству и не нравится её самоуправство, он должен быть признателен ей. Только вот заключить мирный договор тогда было слишком сложно, в этот раз его величество в лучшем случае захватит несколько мелких княжеств, покажет Северной Ци, что к чему.

Юань Хундао вздохнул:

— План старшей принцессы изумителен, ему действительно сложно противостоять.

Линь Жофу медленно прикрыл глаза и произнёс:

— Я никогда и не собирался противостоять ей... Пусть младшее поколение разбирается с этим.

— Слушаюсь, господин.

Как раз в этот момент снаружи кабинета донёсся шум. Неизвестно, кто посмел бы поднимать скандал глубокой ночью, но по выражению лиц премьер-министра и Юань Хундао становилось понятно, кто там снаружи. Дверь толчком распахнулась, и вошёл пухлый юноша двадцати с лишним лет. Следовавшие за ним несколько старых служанок и слуг не смогли задержать его и с виноватым видом встали за дверями кабинета премьер-министра. Правила в поместье соблюдались строго: любой без позволения хозяина самовольно вошедший в кабинет был бы строго наказан. Линь Жофу махнул рукой, давая знак, что понял, и, с нежностью на лице глядя

на толстячка, мягко произнёс:

— Дабао, почему ты опять не слушаешься?

У толстяка по имени Дабао, с его широко расставленными бровями и осоловелым выражением глаз, кажется, были какие-то проблемы с умственным развитием. Но, услышав слова Линь Жофу, он сразу успокоился и стеснительно сказал:

— Дабао слушается, просто братик никак не вернётся.

Это был старший сын Линь Жофу. В детстве с ним приключилась какая-то болезнь, и в результате он стал таким, как сейчас, с умственными способностями трёх-четырёхлетнего, и редко покидал поместье. Все в столице сочувствовали беде премьер-министра и редко упоминали о ней. Дабао всегда был очень близок с Линь Гуном, поэтому сейчас, не видя его уже два дня, сделался шумным.

Сердце Линь Жофу дрогнуло и заныло, словно от ножа. Схватившись за грудь, он некоторое время успокаивался и только тогда начал мягко уговаривать:

— Эрбао* уехал, вернётся через несколько дней. Будь послушным, Дабао, иди спать.

Дабао наконец начал успокаиваться. На лице его застыла наивная улыбка, и служанки отвели его в дальний дворик спать.

После непродолжительного молчания Линь Жофу сдержанно заговорил:

— У меня остались только сын и дочь, Дабао вот такой вот, как есть. Скажи, брат Юань, что мне делать?

Юань Хундао хмуро ответил:

— С точки зрения благополучия молодого господина, свадьба барышни Чэнь и Фань Сяня не очень хорошая идея. Всё-таки семье Фань трудно избежать политических интриг, будущая жизнь вряд ли будет спокойной. Если в дальнейшем препоручить молодого господина барышне Чэнь, выйдет не очень-то удобно.

Линь Жофу покачал головой, и в его манере речи добавилось льда:

— Но если твоя фамилия Фань, из этих сетей уже не выбраться. Поэтому лучше уж Фань Сянь будет злым и коварным, только так он сможет защитить мир и покой Чэнь"эр и её старшего брата...

После этих слов к нему вернулось умиротворение. Обойдя стол, он открыл красную занавеску, посмотрел на большую карту Поднебесной, висевшую за ней, и молча нахмурился. Взгляд иногда скользил в направлении города восточных варваров, но чаще задерживался на севере государства Цин, на сложной мешанине мелких княжеств между Цин и северной Ци. Спустя долгое время Линь Жофу сказал, нахмутив брови:

— Нужно срочно выбрать стратегию. Хотя большая война и не обязательно начнётся и между двумя сторонами, может, и не будет прямых столкновений, но если с севера в эти княжества пойдут лошади и фураж, всё должно быть заранее готово.

Юань Хундао ответил утвердительно. Тут он услышал, как премьер-министр начал кашлять и закашлялся очень сильно, так что в уголках его глаз показались слёзы. Премьер-министр стоял у карты, заложив руки за спину, и, хмурясь, составлял план, словно и не потерял сегодня родного сына. Юань Хундао, глядя на его силуэт, мысленно вздохнул, испытывая какую-то нежность и сожаления и думая, что хоть тот знатен и богат, а не имел в жизни ни одного спокойного дня. Вот уж точно «увидел принцессу и пропал».

Все эти события случились за один день, и никто не знал, что означают эти тайные переговоры или препирательства. Встреча Фань Цзяня, графа Сынаня и Чэнь Пинпина, встреча премьер-министра и старшей принцессы — людей при дворе, знающих об этом, Фань Сянь мог бы пересчитать по пальцам. Поэтому Фань Сянь не знал, что его блестящее будущее уже распланировано.

Если в эти несколько месяцев после прибытия в столицу, напоминающие самый тёмный час перед рассветом, словно вязкая чёрная тушь залепляла все его органы чувств, он постоянно находился под давлением и не мог расслабиться ни на миг, то в последние несколько дней словно боги поднесли ему чашу чистой воды и умыли лицо. Он сразу почувствовал себя бодро и непринуждённо, и к нему пришло отчётливое понимание происходящего.

Все эти дни он убеждал себя, что не имеет отношения к смерти шурина, и только так он мог посмотреть в глаза человеку, с которым встречаться было труднее всего — Линь Вань'эр. Узнав о смерти брата, Линь Вань'эр была очень подавлена. Хотя они и встречались всего несколько раз, но кровь не водица, и ей было тяжело. Фань Сянь хорошо видел это, и у него тоже было тяжело на душе, хотя этот самый шурин и был тайным вдохновителем покушения на него. Иногда он чувствовал в себе какое-то неправильное хладнокровие, потому что если бы он, живя в Даньчжоу, услышал о смерти Фань Сычжэ в столице, то, наверное, ни капли бы не расстроился.

Конечно, сейчас дело другое, госпожа Лю вроде бы молчаливо приняла ситуацию как есть, семья Лю в столице тоже учуяла некие нежелательные веяния и снабдила госпожу Лю достаточным количеством сведений. Так что она, на удивление, успокоилась и больше не препятствовала Фань Сычжэ шататься по столице вместе с Фань Сянем.

Что больше всего волновало Фань Сяня, так это что никто не подозревал о связи смерти второго сына премьер-министра с ним, включая семью самого премьер-министра. На самом деле из-за этого он и Цзинван переживали слишком сильно: тогда У Боань и Линь Гун так хорошо спрятались, что даже Контрольная палата не смогла их найти сразу, так кто, кроме четырёх грандмастеров, смог бы их отыскать? Если никто не узнает о связи Фань Сяня и У Чжу, то никто не свяжет смерть Линь Гуна с Фань Сянем.

Ещё более выходило за рамки воображения Фань Сяня то, что, судя по множественным слухам, смутно доходящим из поместья премьер-министра, тот в некоторой степени одобряет назначенную на десятый месяц свадьбу. Естественно, Фань Сянь не прекращал строить предположения: может, пожилой господин, похоронив сына, действительно впал в отчаяние? Однако старый лис Фань Цзянь, граф Сынань, прежде всех в Поднебесной понял скрытую причину этого: неизвестно почему, но между премьер-министром и наследным принцем или старшей принцессой случился разлад, и Линь Жофу сейчас изыскивает новое направление для своих инвестиций. Возможно, это признак, что политика премьер-министра начнёт разворачиваться в сторону поддержки второго принца.

Два дела о тайном убийстве одно за другим сотрясли столицу, словно два удара грома, однако не оставили после себя благостного дождя, как подобает грозе. Постепенно дело начало стихать, и только премьер-министр от тоски по сыну как будто пал духом и под предлогом болезни очень мало появлялся при дворе. Калечный глава Чэнь тоже редко посещал дворец, а сидел у себя в Контрольной палате сложа руки, изредка рассылая приказ-другой. Думая об этом, Фань Сянь всегда ощущал недоумение: отчего Чэнь Пинпин, вернувшись в столицу, не пригласил его на встречу? Он ещё не знал, что тогда в тюрьме этот старый калека развлекался подглядыванием. Что ещё более странно, Чэнь Пинпин открыто вернулся в столицу, но куда же отправился Фэй Цзе?

Как бы там ни было, после этой краткой, но жестокой схватки все политические силы столицы, понеся потери в несколько жизней, снова восстановили некое подобие хрупкого равновесия. С некоторыми произошли вынужденные изменения, например, смена права контроля над внутренней сокровищницей через несколько лет побудила кое-кого, в частности премьер-министра, начинать искать другие пути защитить себя и свою семью. Эти перемены с точки зрения Фань Сяня были чрезвычайно благоприятны, по крайней мере, ему не нужно было слишком беспокоиться о безопасности своих людей.

Тогда он написал письмо бабушке, оставшейся в далёком Даньчжоу, и рассказал ей, что в столице живёт очень хорошо, и просил не переживать слишком сильно.

За весной пришло лето. Хоть это и звучит как банальность, но для утвердившегося в столице с большим трудом Фань Сяня это означало, что в его жизни стало меньше проливных дождей и настала ясная, солнечная погода. Счастливые деньки словно приветственно помахали ему рукой.

Лето наступило. Далеко ли ещё до дня свадьбы?

Конец Тома 2 «В столице».

* Дабао можно перевести как “большое сокровище”. Линь Гун его младший брат, поэтому он “эрбао” - “второе сокровище”, домашнее прозвище.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/1567010>